

СУХРОБ
МУХАМЕДОВ

„И ВСЕГДА —
МЕЛОДИИ
ДЖАЗТОВА“

СУХРОБ МУХАМЕ

**«И В СНАХ —
МЕЛОДИИ ДЖАНГОХА...»**

**ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
«ПЯТАК»**

ПОВЕСТИ

«ИЖОД ДУНЁСИ»
ТАШКЕНТ — 2002

Мухамедов Сухроб

М92 «И в снах — мелодии Джангоха...»; Его величество «Пятак»: Повести.—Т.: «Ижод дунёси», 2002.— 328 с.

Повести известного писателя — своеобразное эссе-воспоминание о послевоенном Ташкенте — городе его детства и юности, о событиях того бурного времени. Но главное, они о людях, чьи имена стали гордостью узбекского искусства. Многочисленные персонажи — прославленные и малоизвестные — прошли по жизни рядом с автором, оставив неизгладимый след в его душе и сердце. И объединяет их всех одно гордое имя — ташкентцы.

ББК 84(5У)

**«И В СНАХ —
МЕЛОДИИ ДЖАНГОХА...»**

*Памяти отца Юсуна Мухамедова —
первого инженера-связиста Узбекистана —
посвящаю*

ОТ АВТОРА

...За молодоженов выпили стоя. И как только стих звон бокалов, тамада махнул рукой — грянула музыка. На небольшой площадке у оркестра сразу стало тесно. В центре танцующих — жених с невестой. Он — в строгом костюме цвета маренго, с белой гвоздикой в петлице. Она — похожая на тополечек — тонкий, высокий, стройный. Они смотрели друг на друга влюбленными глазами, и им казалось, что нет счастливее их на свете. Ах, как хотелось, чтобы молодожены пронесли это чувство до самой старости! Но жизнь... Сколько в ней непредсказуемого, неожиданного, непостижимого. И только ли это? Есть еще и подлость, лицемерие, предательство. Смогут ли молодые пройти через эти испытания без потерь, не растеряв по пути доверия, нежности, любви? Время покажет.

Но так хотелось верить, что смогут

Гремела свадьба... Праздник пришел еще в одну семью. Замуж выходила дочь покойного Науфаля, внучка Карима Закирова.

Я перевел взгляд с танцующих на гостей. Сколько знакомых лиц. Два младших сына Закирова — Джамшид и Равшан — что-то энергично обсуждали, стоя у колонны. Фарруха нет, он с ансамблем "Ялла" в отъезде. Однако я знал, что сегодня утром молодожены получили от Фаруха поздравительную телеграмму, — ее вручила бабушка Шахиста. Она, к сожалению, приехать на свадьбу не смогла. Говорят, чересчур переволновалась, вот врачи и посоветовали ей остаться дома. Вздохнув, бабушка благословила молодых, а когда счастливые невеста с женихом выехали на машине со двора, она дала волю слезам.

Неспешно оглядывая зал, я заметил столик, расположенный в слабо освещенном углу. Там вполоборота сидела

женщина в темно-синем платье, с седой прядью в черных волосах. Луиза! Да, это она! Я поспешил поздороваться с ней. Мы долго молча смотрим друг на друга, и каждый мысленно отмечает: время неумолимо. Оно посеребрило наши волосы, прочертило морщинки. Да и в голосе уже проскальзывает усталость. Стоит ли удивляться, ведь большая часть жизни, увы, позади. Мы, как гласит восточная поговорка, “давно возвращаемся с базара”. Теперь оставшиеся годы будут посвящены детям — капризным, сложным, непредсказуемым, но все-таки любимым. Разве не так? Луиза вздыхает, грустно улыбается и смотрит на мужа. Тот с задумчивым видом соглашается и краем глаза поглядывает на дочь — худенькую, озорную Наргизу.

Отгремела, отшумела свадьба, разошлись гости. Я вдруг обнаружил себя идущим по улице к Театральной площади. Как много с ней связано! И вдруг на меня нахлынули воспоминания... Много лет назад, когда еще был сотрудником Узбекского радио, я привозил сюда зарубежных гостей и коллег-журналистов. Болгарина Ташо Карапетрова, словака Михаила Топольского, финна Пека Силвоола, председателя токийской телевизионной компании и других. Они, словно сговорившись, в один голос утверждали: таким театром можно гордиться, он поистине прекрасен. Не каждая страна и столица может похвалиться столь совершенным сооружением.

То же самое говорил и Карим Закиров — один из ведущих артистов Государственного Академического Большого театра оперы и балета имени Навои, народный артист Узбекистана. И у меня эти заявления никогда не вызывали сомнений, потому что мне было известно — Карим-ака объездил с концертными гастролями многие государства, где, само собой разумеется, имел возможность увидеть национальные театры, сравнить их с узбекским. Вспомнилось, что певец никогда не говорил: “Еду на работу”. Он вообще очень редко употреблял это слово. Чаще всего звучало — “иду на службу”.

Только сейчас, спустя почти полтора десятка лет после его смерти, начинаю с грустью сознавать, что о нем, очень скромном в жизни и искусстве человеке, писали почему-то довольно редко. Не снимали фильмов, не устраивали специальных передач, не проводили творческих вечеров. А жаль! Мне думается, что Карим Закиров заслуживал большего

внимания. Он мог бы многое рассказать молодежи, и не только творческой. Как, к примеру, их поколение пробивало себе дорогу на сцену, у кого учились, кто помогал им достигнуть желанной цели. И какой, я в этом уверен, получился бы интересный рассказ, экскурс в годы, когда в Узбекистане зарождалось все новое, в том числе и оперное искусство! Сколько он бы поведал о молодежи того времени, которая потом составила цвет творческой интеллигенции республики. Ведь среди них были те, чьи имена для нас сегодня уже овеяны легендой: Аброр Хидоятов, Мухиддин Кари-Якубов, Тамара Ханум, Халима Насырова, Шукур Бурханов. В этот же ряд надо поставить Карима Закирова и его сына Батыра.

* * *

Утром — это уже стало традицией — заехал отец. Он живет со мной по соседству, на Новомосковской улице. Заглянул по дороге, уже возвращаясь из Министерства связи. Я коротко рассказал ему о прошедшей свадьбе внучки Карима Закирова, о встрече с Луизой, ее братьями — Джамшидом и Равшаном. Он задумался, молча выпил несколько пиалок с чаем, затем закурил.

— Внучка, свадьба, новая семья — это дело хорошее, — наконец прервал молчание отец. — Но что знает та же внучка про своего деда? Был артистом, пел в оперном театре, носил звание народного? И все? — отец стряхнул пепел с сигареты. — Дети, внуки и даже правнуки должны знать, кем были их отцы, деды, прадеды... Увы, сынок, наша история написана так, что становится жалко тех, кто раскрывает школьные учебники. Настоящей правды там мало. Многое опущено или не упомянуто вообще... А ведь любая судьба по-своему интересна. Биография Карима тоже очень любопытна, — он оживился. — Вспомни, когда Шукур, Карим и я собирались вместе, мы часто вспоминали, как учились, работали. И каким притягательным маяком было для нас искусство... Мне помнится, ты все это вроде записывал...

Я согласно киваю: да, записывал, в общую тетрадь...

— А ты найди ее. Полистай... Вдруг эти записи тебя на что-нибудь натолкнут...

Проводив отца, я и впрямь достал с антресолей небольшой фибровый чемоданчик, пролежавший там не один десяток лет. Смахнул с него пыль, откинул крышку и вынул несколько общих тетрадей. Полистал одну, другую и незаметно углубился в чтение... Перед моим взором начали вырисовываться контуры старой Хадры, школы имени Навои, узкий переулок напротив школы, где находился дом покойного Закира-жестянщика и его родственника, популярного тогда в республике певца Муллатуйчи-Хафиза. Взору представилось и то место, которое именовалось Джангохом, где, по утверждению отца и его друзей, жители столицы отмечали многие народные торжества и праздники...

Участок улицы и площади от Хадры вниз к Иски-Джуве...

Словно воочию увидел эмоционального и смешливого, озорного сына жестянщика Карима, его друга и брата Юсупа Мухамедова, шумного, настырного Шукура Бурханова, которые уже тогда, втайне друг от друга, мечтали о сцене, о театре... Руководителя музыкального кружка Юнуса Раджаби, домлу Айбека, преподававшего в школе литературу и родной язык...

Замелькали лица людей, имена которых, к большому сожалению, нынешняя молодежь почти не знает. А ведь они современники таких аксакалов, как академик Иззат Султанов, поэт Назармат, знаменитой узбекской певицы Халимы Насыровой. С грустью приходится констатировать, что людей, которые стояли у истоков зарождения классического национального искусства, с каждым годом остается все меньше и меньше.

Мысль и желание изложить когда-то наспех записанное в дневниках пришли не сразу. Меня долгое время одолевали сомнения. Я никак не мог найти ответ на вопрос — что это будет? Не очерк, не повесть, конечно. Разумеется, не мемуары и не монография. Тогда что же?

У меня появилось непреходящее ощущение, что пока я не найду правильного ответа, садиться за стол не имеет смысла. Замечательный, талантливый писатель Явдат Ильясов когда-то признался, что в поисках, в моменты творческой неудовлетворенности, ему помогают произведения Навои, Фирдоуси, Хайяма, Пушкина и... “Опыты” Мишеля Монтеня. Но поможет ли это мне?

Однажды я стал невольным свидетелем, как популярный, взрывной, всеми любимый поэт Кайсын Кулиев, по-

чувствовав подобное состояние своего не менее известного в стране собрата по перу, воскликнул:

Идите в горы, в тишину...
Природа успокоит вас
И многое подскажет...

Патма, жена Расула Гамзатова, благодарно улыбнулась Кулиеву. Видимо, мелькнула у меня догадка, и она прибегает к этому средству. Я помню Дагестан — какие там удивительно красивые горы! Они действительно могут подарить вдохновение, но не всем, не всем...

Хожу задумчиво по комнате... С таким чувством, будто мне необходимо найти что-то очень важное, нужное. Неожиданно взгляд мой упирается в крохотный томик одной из книг. Достаяю ее с полки и раскрываю — на руку выпархивает дарственная открытка. Ее презентовал мне в Ташкентском аэропорту палестинский поэт Муин Бсису, прилетавший в узбекскую столицу, чтобы принять участие в юбилейной конференции писателей стран Азии и Африки. Он появился на трапе самолета, когда почти все пассажиры лайнера сошли на землю. Приветливо улыбнулся и сделал жест, подымайтесь, мол. Все понятно: значит, Муин с грузом, и ему надо помочь... Плоский деревянный ящик был по размеру не очень большим, но таким тяжелым, что мы троим с трудом донесли его до машины.

— Что там, Муин? — полюбопытствовал я.

— Подарок нашего уважаемого Ясира Арафата конференции писателей.

Этим презентом оказалась мраморная плита со словами приветствия палестинского лидера участникам конференции. Да, чего только не пришлось повидать...

Кладу открытку на место и... ловлю себя на мысли, что мне повезло. Еще как повезло! Благодаря работе в Союзе писателей мне посчастливилось познакомиться с известными во всем мире прозаиками, поэтами, драматургами... Какие это были люди, какие имена! Южноафриканский писатель, генеральный секретарь Ассоциации писателей двух континентов Алéкс ла Гума. Много курящий, не по возрасту беспокойный египетский поэт Аль Хамиси. Его коллега, с добрыми, умными, немного печальными глазами, пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Седовласый, по-юношески подтянутый индийский поэт Субхас Мукерджи. Порывис-

тый, очень эмоциональный и на удивление отзывчивый палестинец Муин Бсису. И кто мог предположить, что спустя три месяца после конференции Муин — сухощавый, крепкий, еще молодой мужчина — скончается от сердечного приступа...

Скромный, немного застенчивый прибалтийский прозаик Йонас Авижюс. Бодрый, энергичный и всегда шумный Кайсын Кулиев. Неторопливый, крупноголовый, очень напоминавший древнегреческого философа Давид Кугультинов. Изящный, как мушкетер, Ираклий Абашидзе. С видом утомленного профессора прохаживался по фойе Расул Гамзатов. И среди них, с широко распахнутыми глазами мелькал Абдулла Арипов. Как всегда, серьезный и сосредоточенный Сарвар Азимов...

Опустившись в кресло, я словно воочию представил всех... Увидел отчетливо свой рабочий кабинет на третьем этаже. Однажды дверь открылась, и на пороге предстал Явдат Ильясов. В скромной поплиновой финке, поношенных, но тщательно отутюженных брюках. Он пришел в Союз писателей на прием к первому секретарю. И заглянул ко мне. Увы, в тот день Явдат Хасанович так и не дождался приема. И не потому, что было чересчур много посетителей, — руководство союза готовилось к проведению в узбекской столице Всесоюзной конференции писателей, и именно в этот день членами секретариата обсуждалась программа предстоящего форума.

Ушел Явдат Ильясов тихо, незаметно, как уходят привыкшие к равнодушию люди. Хотя все прекрасно знали, что он один из лучших прозаиков, пишущих на исторические темы. И в то же время было известно: Ильясов не докучал прежнему руководству союза, как другие, телефонными звонками, не домогался престижных поездок по стране или за рубеж. Не пытался, опять-таки, как другие, выпросить квартиру, хотя жил где придется. Не говорил на собраниях резких слов, никого не критиковал. Ибо знал твердо: за рубеж его не пошлют — это удел иных, никакими наградами и званиями не отметят, ибо жил он не так, “как положено”, а зачастую так, как подсказывали душа и сердце. Над ним подсмеивались, но и любили — за талант, за неординарность. Особенно читатели... Не я, а другой сотрудник аппарата извинился перед Ильясовым, что пришел

Bu tanishuv parchasidir. Asarning to'liq versiyasi <https://kitobxon.com/uz/asar/1632> saytida.

Бу танишув парчасидир. Асарнинг тўлиқ версияси <https://kitobxon.com/uz/asar/1632> сайтида.

Это был ознакомительный отрывок. Полную версию можно найти на сайте <https://kitobxon.com/ru/asar/1632>